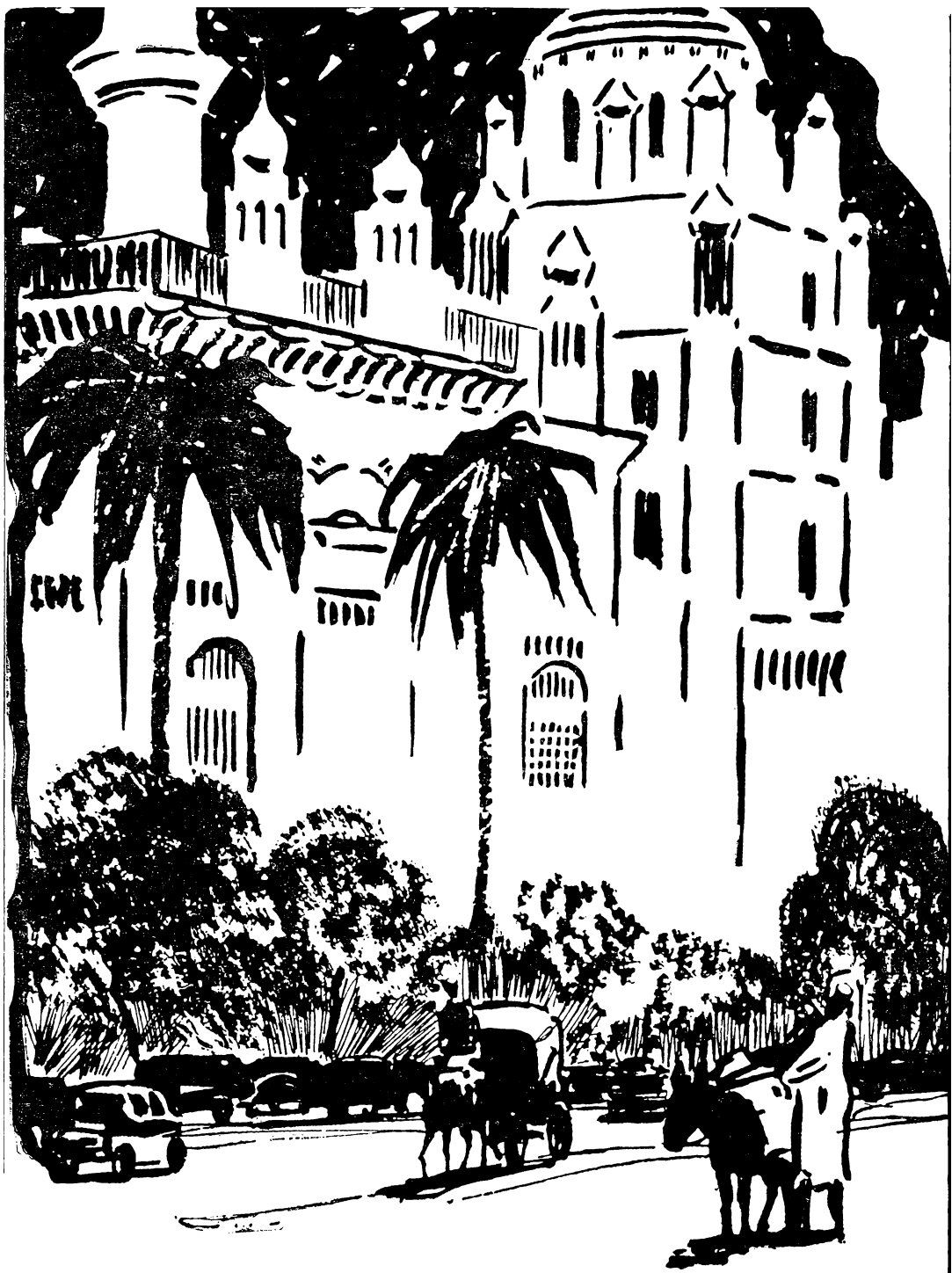




М. СТАРОСТИН
ПО ГОЛУБОМУ ГАНГУ

**КУЙБЫШЕВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1967**



М. СТАРОСТИН

**ПО
ГОЛУБОМУ
ГАНГУ**



32И
С77

**ДЛЯ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО
ВОЗРАСТА**

Художник М. Н. ГЛУХОВ

$\frac{7-6-3}{89-67M}$



I. В АРАВИЙСКОМ МОРЕ

Кому хоть раз довелось плавать по Аравийскому морю, тот знает его величавую красоту. Вдали голубой полоской тянется берег, а справа по борту, насколько хватает глаз, расстилается спокойная водная пустыня. Лишь изредка над кормой промелькнет стайка белокрылых чаек, и опять все тихо.

Но море!.. Оно буквально перенаселено — столько в нем жизни! Косяками идут тунцы. Они то выскакивают на поверхность, то надолго исчезают в прозрачных глубинах. Тут же резвится золотая макрель, поблескивая на солнце серебром чешуи. Под самым бортом судна плавают разноцветные медузы, похожие на большие зонты. Они тихонько шевелят бахромой, выцеживая из воды питательный планктон, переворачиваются и исчезают в морской пучине.

Мы с Леонидом Васильевичем Костровым — зоологом нашей экспедиции — стояли на корме и долго смотрели на тунцов, сопровождавших «Звезду» уже не одну сотню миль. Они, как лоцманы, плыли по обеим сторонам, резвясь и играя.

«Звезда» шла полным ходом. Машины делали вздох за вздохом, чуть сотрясая корпус судна. Наш путь лежал в Бомбей. Там нам предстояло пересечь на поезд и следовать до верховьев Ганга, привезти и погрузить большую партию макак для Московского института экспериментальной медицины, который занимался исследованием полиомиелита.

Море было спокойным. Прокаленное экваториальным солнцем лазурное небо казалось безвоздушным, прозрачным, похожим на огромное стеклянное полушарие. Соприкасаясь далеко на горизонте с полоской воды, с едва проступающим берегом, оно как будто уходило своими краями в спокойную гладь океана. Морская поверхность от этого выглядела выпуклой, словно вложенной в громадную голубую чашу неба.

Все свободные от вахты члены судовой команды были наверху. Одни сидели в поставленных вдоль борта плетеных креслах, другие, развалясь под тентом в шезлонгах, любовались морем. Капитан стоял на мостике в своем белоснежном кителе.

Словом, нам сопутствовала удача — плавание шло прекрасно. Мы уже прошли мыс Ока и через сутки должны были прийти в Бомбей.

Смотрите, смотрите! — крикнул Леонид Васильевич, показывая на стайку золотых макрелей, за которой гналась большая акула.

Она шла, как искусный пловец, лишь наполовину скрытая в воде, чтобы легче разрезать поверхность моря, меньше испытывать встречное сопротивление. Ее спинной плавник торчал над поверхностью воды, так что можно было безошибочно следить за каждым ее движением.

Она настигает их, смотрите! — вырвалось у меня, словно речь шла о чем-то, что близко касалось меня.

Леонид Васильевич рассмеялся:

— Не так-то просто схватить макрель. Эта рыба обладает удивительной подвижностью. Наблюдайте, и вы увидите, что сейчас произойдет.

Я впился глазами в то место, где на поверхности моря были отчетливо видны полосы следов уходящей макрели. Акула почти настигала макрель. Но тут произошло нечто удивительное. Стайка преследуемых рыб разделилась на две части, и каждая из них метнулась в противоположную сторону, исчезла в пучине. Плавник акулы, вспенив поверхность моря, проскочил то место, где секунду назад блеснула серебристая чешуя макрелей.

Видали? — сказал Леонид Васильевич с восторгом. — Хищница осталась в дураках. Наши макрели теперь плывут метрах в двадцати от поверхности и совсем в другую сторону.

Акула ударила хвостом и скрылась.

— Да, охота сорвалась — хищница осталась без обеда, — произнес я неторопливо, все еще надеясь, что акула появится вновь.

Но мы так и не увидели ее больше.

— Макрели — удивительные рыбы, — начал рассказывать Леонид Васильевич тоном человека, которому тут нечему удивляться.

Он был не только зоологом, но и ихтиологом, и обладал широкими познаниями в этих почти родственных областях.

Недаром считаются они одним из лакомых блюд всех тропических зон, — продолжал зоолог. — Но поймать их трудно. А ведь макрелей в теплых морях водится больше, чем других рыб. Правда, бывают случаи, когда эти рыбы сами падают в лодку рыбака, рискнувшего уйти далеко в море. В литературе о морских крушениях рассказано много историй подобного рода.

Леонид Васильевич прикурил папиросу и продолжал:

Блуждая по морям на утлых лодках, чудом спасшиеся моряки не погибали от голода и жажды. То и другое давала им макрель, случайно попавшаяся в их «ковчег». Сок макрели, или то, что содержат ее внутренности, удивительный напиток. Разумеется, не очень приятного вкуса. Но что делать, когда у человека целую неделю не было ни капли пресной воды во рту. Со вкусом, как говорят, в такой обстановке не принято считаться.

На судне началась генеральная уборка, которую проводят перед каждым заходом в порт. Таков неписаный закон моряков. Поблагодарив Леонида Васильевича за короткую лекцию, я ушел в каюту. Надо было подготовиться к высадке.

II. МЫ — В БОМБЕЕ

В Бомбей судно прибыло ночью. Пока продолжались таможенные формальности, наша группа успела уложить все свое снаряжение, которое нам требовалось для трехмесячной охоты на Ганге. Покончив со всеми хлопотами, мы с Леонидом Васильевичем поднялись к капитану. Он был прекрасно настроен — рейс прошел благополучно, никакие случайности не задержали нас в пути. «Звезда» после разгрузки уходила в далекое плавание — к берегам Южной Америки, где в одном из портов Венесуэлы должна была принять на борт некоторое количество амбры, затем вернуться за нами в Индию.

У капитана мы застали таможенного чиновника — высокого, стройного индуса, одетого в европейский костюм из белого полотна. Рядом, на столике, за которым они сидели, лежал его пробковый шлем. Индус встал и вежливо поклонился. Капитан представил нас индусу.

— Господин Рамишвари — таможенный инспектор порта. Он очень рад встретить гостей с русского судна и не задержит вас долго. Ваш груз готов?

— Готов. Его у нас не так много: снаряжение экспедиции и клетки для наших будущих пассажиров.

— Сейчас подадут катер. Господин инспектор уже распорядился. Сгрузим вас и возьмем швартовые. Нам незачем зря терять время. Если у вас нет ко мне больше ничего, идите готовьтесь к высадке.

— Когда мы можем рассчитывать на встречу с господином инспектором?

— Сэр, я к вашим услугам, — поднялся индус. — Я буду сопровождать вас на берег, вы — мои гости, — добавил он, приветливо улыбаясь.



Тогда у меня нет больше вопросов. Разрешите проститься с вами, капитан.

Капитан крепко пожал мою руку.

Желаю благополучного возвращения с Ганга. «Звезда» будет ждать вас в порту.

— Благодарим. Мы не задержим ваше судно.

Раскланявшись с капитаном, мы с Леонидом Васильевичем спустились на палубу. Наш багаж уже лежал под лебедкой, готовый к выгрузке.

«Звезда» стояла у пирса. Вдоль стенки возвышались портовые краны, за ними виднелись многочисленные постройки пакгаузов и складов, а еще дальше шумел просыпающийся Бомбей. Солнце только что встало. Огромный красный круг висел низко над горизонтом, едва не касаясь поверхности моря.

На море был полный штиль, какой возможен только в этих широтах в начале тропического лета. Флаги многочисленных кораблей, разбросанных по заливу, обвисли, не ощущая движения воздуха.

— Все готово? — спросил я пожилого зоолога Иващенко — помощника Леонида Васильевича, показывая на ящики, в которых было упаковано снаряжение.

Все готово. Можно переправляться на вокзал, — кивнул зоолог. — Хотя еще будет таможенный досмотр.

— Едва ли в этом есть необходимость. У капитана сейчас таможенный инспектор. Он поговорит с ним, и, может быть, нам удастся избежать этой формальности.

— В таком случае мы имели бы возможность остановиться на два дня в Бомбее. Кстати, как мы будем переправляться на берег?

— К нам подойдет катер. Инспектор решил оказать нам любезность.

— Не он ли это? — повернулся зоолог.

По заливу к «Звезде» шел белоснежный катер, лавируя между суетливо сновавшими взад-вперед лодками.

— Кажется, он. Зовите людей.

Но никто не заставил себя ждать. Через минуту все участники экспедиции стояли вдоль борта «Звезды».

Сделав разворот, катер пришвартовался. Груз лебедкой спустили на его палубу, следом перешли и все мы. Нас встретил таможенный инспектор. Он стоял на мостике рядом

с рулевым и приветливо помахивал нам рукой. Потом быстро сошел вниз.

Теперь вы — мои гости, разрешите пожать вам руки и пригласить в свою каюту, — сказал он, приложив пальцы к пробковому шлему, как это делают военные.

Мы последовали за ним. Помещение, куда он привел нас, скорее напоминало каюту для пассажиров, чем для экипажа. Посредине стоял стол, вдоль стен — буковые диваны.

— Сколько вы пробудете в Бомбее? — спросил он, присаживаясь за столик. — Бомбей — жемчужина Индии. Не спешите забираться в джунгли, там чертовски неуютно.

Он рассмеялся, показав исключительной белизны зубы.

Ровно столько, сколько потребует устройство наших дел, — поспешил я с ответом. — Надо переправить багаж на железную дорогу, запастись продовольствием, учитывая, что «в джунглях чертовски неуютно».

Ему понравился мой ответ, и он продолжал весело болтать с нами, выполняя свои обязанности гостеприимного хозяина.

Катер обошел большое английское судно «Колумбия» и направился к берегу. Нам сбросили трап, и мы с инспектором прошли в его служебный кабинет в таможне. Леонид Васильевич и другие остались, чтобы распорядиться грузом.

Садитесь. Я вас не задержу, — предложил Раджишвари.

В кабинете было полутемно и прохладно. С потолка обдувал большой электрический вентилятор. Когда я сел на стул, на колени мне прыгнул какой-то рыжий зверек. Он ткнулся острой мордочкой в руки и стал тереться как кошка.

— Не пугайтесь — это моя мангуста, — пришел мне на помощь Раджишвари. — Это безобидный зверек, но крайне привязчивый — стоит только приласкать его раз.

Мангуста? Когда-то я читал, что мангуста бросается на змею, если она угрожает человеку.

— Совершенно верно. Вы едете в джунгли, а там полно змей. Возьмите мою мангусту, я дарю ее вам.

— Разве вам уже не угрожают змеи? — сказал я, приняв его слова за шутку.

— О, в Бомбее кобру можно встретить только у бродячего пунги¹. Он не даст ей совершить нападение.

¹ Пунга — заклинатель змей.



Зверек заглядывал в карман, тыкал острой мордочкой в рукава, вскакивал на плечи — обследовал меня.

Раджишвари подписал документы и встал.

Все готово. Можете ехать в Бомбей.

Разве мы не в Бомбее?

— Нет. Порт не Бомбей. Это вы увидите сами.

Простите. Мне не приходилось бывать в Индии.

Понимаю, понимаю, — улыбнулся Раджишвари. — Зато теперь вы непременно захотите побывать у нас еще раз. Я поднялся, собираясь идти.

Одну минуточку, — задержал меня Раджишвари. — Как вы довезете мой подарок до гостиницы?

— Но, право...

Мангуста ваша, — предостерегающим жестом удержал меня индус, и на его загорелом лице опять показалась мягкая, покоряющая улыбка. — Я дарю ее вам.

Он подошел к двери и что-то сказал. В комнату вбежал курчавый смуглолицый мальчуган лет двенадцати. Раджишвари дал ему какое-то поручение.

— Сейчас Аджой принесет для мангусты клетку.

Я принимаю ваш подарок, дорогой Раджишвари, но прошу оставить его у себя до моего возвращения.

— Готов исполнить любую вашу просьбу. Но когда вы вернетесь?

— Месяца через три.

— Отлично. Я буду ждать.

Мы распрощались. Нас ждал автобус, и вся группа с самым веселым настроением отправилась в гостиницу. Надо было сделать кое-какие покупки, заказать железнодорожные билеты.

На следующий день мы уже сидели в поезде, увозившем нас на север.

III. ПУТЬ НА СЕВЕР

По железной дороге нам предстояло проехать до Канпура. Там мы должны пересесть на речной пароход и плыть вверх по Гангу в глубь лесов, что у Гималайских предгорий.

Главный зоолог, несмотря на удушающую жару, сел за обработку своих записок, которые он начал вести, как только «Звезда» вышла из Одесского порта. Я приводил в порядок путевые документы, остальные занимались каждый своим делом. Одни увлеклись экзотикой, другие отдыхали в своих купе, а самый молодой участник группы Саша Венедеев болтал с проводником, практикуясь в произношении на языке хинди, который он начал изучать еще будучи студентом зоологического факультета Московского университета.

Поезд шел между гор Сатпура, приближаясь к Хашангабаду. Эта провинция центральной Индии богата чайными



плантациями. Они располагаются по склонам гор, поднимаясь все выше и выше. Их зеленые квадраты резко выделяются на фоне однообразного горного ландшафта. По границам каждого участка растут тутовые деревья. Индийские крестьяне научились использовать каждый клочок земли. Тутовый лист — основной корм шелковичного червя. Поэтому здесь широко развито и шелководство. Чай и шелк — главные богатства Сатпура.

Наступила ночь, а поезд бежал и бежал среди холмов. Иногда его бег замедлялся, паровоз начинал тяжело сопеть, преодолевая очередной подъем. Голубое небо сразу стало черным, едва только солнце скрылось вдали. Темнота наступила как-то вдруг, без привычных для нас, северян, переходов.

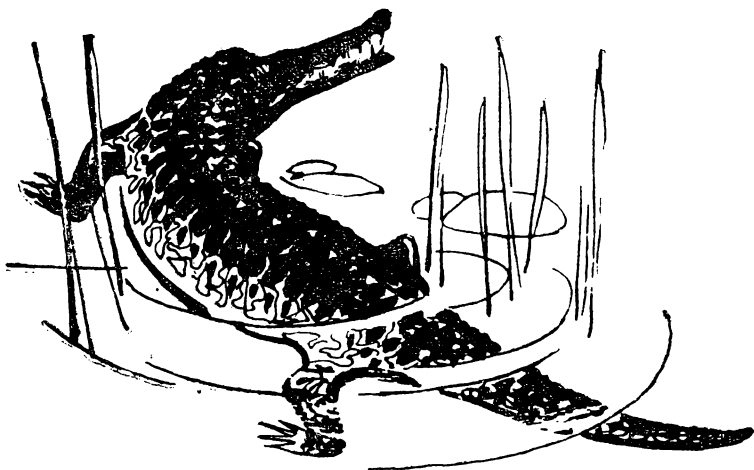
На третий день мы были в Канпуре. Это довольно экзотический город, расположенный в широкой долине Ганга. Как и всюду в Индии, здесь сохранилось много старинных храмов. Канпур известен как один из центров больших крестьянских восстаний против владычества Англии. Одно из них, наиболее массовое, окончилось победой. Это было в 1945 году. Англичанам вскоре пришлось навсегда покинуть Индию.

IV. ПО ГАНГУ

В Канпуре мы пересели на барку. Наш путь лежал до Чанда — небольшой деревушки в верховьях Ганга, окрестности которой знамениты обширными грушевыми лесами. По обе стороны реки простиралась цветущая равнина. Кукурузные и рисовые поля, плантации сахарного тростника, какао, кофейного дерева создавали исключительную по живописности картину.

Около легких бунгалов¹, часто выстроенных прямо на берегу Ганга, зеленели анисовые и инжирные деревья, величаво возвышались кокосовые и банановые пальмы, по высоте с которыми могли соперничать только старые тополя.

¹ Бунгалo — легкая загородная постройка с верандами.



Был конец тропической весны, зной еще не достиг своей высшей точки, деревья держали пышный наряд, который они сбросят с наступлением июня. На барке все загорели до черноты и теперь по цвету не отличались от индусов.

Старый индус Хусейн, исполнявший обязанности лодчмана, поглядывал на нас, качал головой улыбаясь.

Бабу-джи¹, не бойтесь нашего солнца. Хорошее солнце в Индии. И небо хорошее.

Он задира седую, коротко остриженную голову, прикладывая ладонь к бровям и смотрел на чистое голубое небо.

На нем не было ничего, кроме, дхоти,² едва прикрывавшей бедра. Худое тело старика имело темно-коричневый цвет, отливало на солнце сизоватостью загара. Двое его молодых помощников — Радхе и Саруп — носили короткие, до колен, шальвары из белого прочного полотна. Курносый, широколицый Радхе, с большими, всегда улыбающимися глазами, быстро сдружился с нашим Сашкой и не отходил от него. Хусейн сердито покрикивал на него, если он слишком долго болтал с молодым зоологом и забывал о своих обязанностях палубного матроса.

Саруп был куда более серьезен. Он тоже ворчал:

¹ Бабу-джи — господин.

² Дхоти — набедренная повязка.



Раз тебе поручено дело, нечего болтаться и надоедать русским бабу. Ты бы лучше взял ведро и окатил палубу водой. Разве не знаешь, что это входит в твои обязанности?

Радхе черпал воду из Ганга и молча лил на палубу.

Пароходик, тянувший барку, петлял по реке, выбирая глубины. Барка то приближалась к правому берегу, то уходила прочь.

Что, Радхе, попадает тебе от Сарупа и Хусейна? — спрашивал я его.

Радхе махал рукой и беззвучно смеялся.

Саруп — мой друг, я ему прощаю все. Ну, а Хусейн — старый. На старых сердиться нельзя. Он рад, что попал к вам на службу и ведет себя как саиб¹. Пусть знают на Ганге, какое он важное лицо, если русские взяли его к себе в экспедицию. Плохо ему жилось прежде, — добавил Радхе, — он из рода париев². Даже бханги не принимали к себе людей этой касты.

Бханги? — переспросил я.

Да, бханги — каста уличных метельщиков.

¹ Саиб — почетное должностное лицо.

² Пария — человек из низшей, лишенной всяких прав касты.

Барка приближалась к большой песчаной косе.

— Гляди, гляди! — кричал Радхе, — зеленый крокодил!

Из каюты выбежал Леонид Васильевич.

Что? Крокодил?! — переспросил он громко. — Где? Я ничего не вижу.

— Там! — Радхе показал на прибор.

Крокодил лежал, высунув из воды голову, и почти не был замечен.

Жаль, что мы не имеем у себя на барке бассейна. Можно было бы поймать этого дьявола, — разочарованно вздохнул главный зоолог.

Радхе убежал куда-то, и мы сели с Леонидом Васильевичем под брезентовый тент.

Берега утопали в тропической зелени.

Смотрите, — показал Леонид Васильевич, — вон тропика. А вон еще... Ого, тут весь берег исхожен обитателями джунглей.

— Не может быть!

Тут полно зверей — по количеству видов больше, чем в самом хорошем зверинце. Носорог, гиена, тигр, леопард, панголины, дикие кабаны, гепарды — кого только нет. Впрочем, увидите сами.

Бабу-джи, подошел Саруп, — Хусейн приготовил кхичри¹ и приглашает всех к столу. Идите, он ждет.

Что ж, пойдёмте, Леонид Васильевич. Надо привыкать к индийской кухне.



¹ Кхичри — кушанье из риса бобов.

Хусейн хлопотал у стола. Ему помогал тихий, спокойный Саруп.

С кормы, где был сложен наш груз, закричал Радхе:

— Птицекрыл! Он сел на ящики. Идите, идите сюда!

Хусейн выглянул из двери.

— Чего ты беспокоишь всех? Что там у тебя?

Птицекрыл! Бабу-джи никогда не видел, как он красив.

Перестань! Иначе я пожалуйюсь капитану!

Что он увидел? — спросил Леонид Васильевич.

— Чего ему еще делать? Молодой, забаву ищет.

Радхе огорченно поплелся к каюте, где уже все сидели за столом.

Чего ты увидел? — напустился на него Хусейн. — Кричишь, как выживший из ума садху¹ или нашедший в мусоре рупию бханги. Гляди, как ведет себя Саруп.

О чем они спорят? — спросил Сашку Леонид Васильевич.

Там сидела бабочка-птицекрыл.

Птицекрыл? — Зоолог едва не опрокинул стол. — Чего ж не сказали мне?

Теперь он уже улетел, — рассмеялся Сашка.

— Какая жалость, — не обращая на него внимания, с досадой произнес Леонид Васильевич. — Это же редчайший экземпляр. Эх, разиня, — набросился он на Сашку.

Зоолог грузно сел на стул.

Что вас так взволновало, Леонид Васильевич? Вы еще увидите эту бабочку, — вмешался я.

— Такой случай... редкий случай, — проворчал он и замолчал.

Хусейн забеспокоился, поняв, что виноват. Старик глядел то на Радхе, то на зоолога.

Кхири из риса и бобов оказалось необыкновенно вкусным. Все хвалили Хусейна за умелое приготовление этого блюда.

¹ Садху — странствующий нищий.

V. В ДЕРЕВНЕ ЧАНДА

К вечеру барка причалила к берегу у деревни Чанда. Нам отвели просторное бунгало, и мы занялись переноской груза. На барке оставались только клетки для обезьян.

Нам предстояло прожить тут долгих три месяца. Устраиваться пришлось основательно, с возможными удобствами. Хусейн, Радхе и Саруп оставались на все лето с нами. Пароходик, который тащил нашу барку, на следующий день ушел в Канпур.

Во все стороны от деревни простирались леса. Говорили, что тут самое подходящее место для охоты на макак. Их было так много, что они буквально опустошали окрестные поля и плантации.

Наше бунгало утопало в зелени. Инжирные деревья, кокосовые пальмы, переплетенные ползучими растениями, подступали целой рощей прямо к нашей хижине. На полянах благоухали белыми цветами кусты тарнели. Ее гибкие лозинки стояли как в снегу.

Мы с Хусейном занялись поисками охотников. Недостатка в желающих отправиться с нами в джунгли не было, и уже через два дня мы набрали весь штат. Леонид Васильевич и остальные зоологи к этому времени распаковали снаряжение, и вся партия стала готовиться к походу.

Наконец наступил и этот день. С рюкзаками за плечами мы тронулись в путь, вытянувшись в цепочку по узкой лесной тропе.

Главным шел проводник — еще совсем молодой, сухощавый индус, сын хозяина бунгало, у которого мы остановились. В деревне не было лучшего охотника. Говорили, что он уже убил двух леопардов. Звали его Али.

Шли грушевой рощей, вдоль небольшого ручья. Тропа была хорошо проторена, и наш поход, несмотря на жару, никого не утомил. Сашка всю дорогу о чем-то переговаривался с Али. Хусейн покрикивал на парня, если тот увлекался и замедлял движение. Но Али как будто не замечал его, говорил и смеялся без умолку.

Как-то незаметно тропа стала менее проторенной и скоро совсем потерялась в тропическом лесу. Мы остановились в тени огромных лиственных деревьев на отдых. Али посо-



ветовал разбить тут временный лагерь. Хусейн закивал в знак согласия. Рядом выбивал небольшой родничок, место почти чистое от травы и кустарников, вокруг имелось много сухого валежника для костров — словом, все говорило в пользу сделанного выбора. Отсюда охотники мелкими группами должны разойтись по всем направлениям в поисках мест, удобных для постановки сетей, которыми мы собирались ловить макак. Эта порода обезьян считалась самой безобидной. Животные чрезвычайно любопытны и доверчивы, легко попадают в расставленные для них сети целыми группами. Не имея сил побороть любопытства, они спускаются с деревьев, смело подбираются к сетям, проделывают разные уморительные прыжки и скачки и расплачиваются за это свободой.

VI. В ЛЕСНОМ ЛАГЕРЕ

На расчищенном от бурелома месте забелели палатки — возник лагерь. Нас мучила жара, дышать было нечем, воздух насыщен лесными испарениями, дуновение ветра совсем не проникало сквозь густую листву — лес почти не проветривался. Мы изнывали от духоты, но индусы чувствовали себя прекрасно. Али смеялся, разбирая сети, Хусейн весело налаживал треножник, собираясь готовить ужин. Саруп, Радхе и остальные собирали сухие ветки для костров. Нам предстояло провести в джунглях не одну ночь: требовалось много дров. Ночевка в тропическом лесу, полном хищников, небезопасна. Приходилось всю ночь жечь костры, окружив ими лагерь, ставить охрану. Поэтому хворост заготавливался впрок.

Для нас с Леонидом Васильевичем и остальных зоологов по распоряжению Али готовились высокие помосты. Сами индусы решили остаться на ночь в палатках, уверяя, что им так удобнее чередоваться в охране, и вообще они не видят опасности спать на земле.

Темнота наступила как-то вдруг. Мы с Сашкой взобрались на помост, с наслаждением вытянули уставшие тела на мягкой подстилке. Лес был полон приглушенных шорохов. Казалось, он вздыхал, как вздыхает утомленный человек пе-

ред сном. Где-то таякал голодный шакал, ухала сова, между ветвей, взмахивая крыльями, перелетали ночные птицы, вскрикивал встревоженный павлин. Может быть, к нему подбирался питон. Внизу шелестел травой дикобраз, отправляясь на ночную охоту.



Сашка уснул. Но я еще долго прислушивался к ночным шорохам и звукам. Вокруг пылали костры. Индусы подбирали в них хворост, пламя взвивалось до самых ветвей, выбрасывая снопы искр.

Слух и зрение утомились, и сон свалил меня. Ночь пролетела незаметно, меня разбудили голоса Али и Радхе — они

о чем-то спорили. Костры погасли. Около куч зола, на соломённых подстилках, спали ночные дежурные.

Заметив, что я проснулся, Хусейн поднял всех, кто еще спал. Через минуту лагерь ожил, наполнился людьми. Охотники спешили к палатке-кухне, где всех уже ждал завтрак.

Скоро лагерь опустел опять. Захватив сети, охотники разошлись. С каждой группой ушел один из наших зоологов. Со мной отправились Али, Саруп и двое местных индусов. Али и тут не уступал первенства, шел впереди, прорубая тропу в лиановых зарослях.

Шли часа два. Али вел нас к водопаду, где, как он говорил, можно рассчитывать на особенно удачную охоту.

Тропинка вывела в абрикосовую рощу. Место самое удобное для охоты — небольшая лужайка, озерцо чистой воды, заросли кустарников и гиацинта. Макаки приходили сюда на кормежку, поедая плоды абрикосов, потом шли к воде.

Носильщики сбросили с плеч рюкзаки и сразу повалились на траву под старым эвкалиптом. Али, вскинув ружье, ушел в ту сторону, откуда доносился шум водопада. Саруп внимательно осмотрел всю местность.

— Надо ставить сети тут, бабуджи. Только не велите

мать траву. Макаки не любят таких мест, где все вытоптано.

Подождем Али и примемся за дело.

— Хорошо, саиб.

Саруп сел в траву.

Али пришел веселый.

— Будет удачная охота, бабу-джи, — заговорил он подходя. — Место спокойное. Я искал следы рыси — их нет. На водопой приходит гепард. И стадо диких козлов. Песок у озера испещрен их копытами. Эти козлы травоядны, макаки не боятся их.

— Разбирайте снаряжение, — приказал я Радхе.

Индусы поднялись, начали развязывать узлы.

VII. ГНЕЗДО ПТИЦЕЕДА

Мы с Али отошли к кустарникам посмотреть, где лучше поставить сети. Под одним из кустов валялась целая куча перьев и костей. Я подвел Али.

— Что это такое, Али?

Индус отскочил и с почтительного расстояния внимательно оглядел весь куст.

Осторожней, бабу! Тут живет паук-птицеед. Вон его ловчая сеть.

Али показал на густо оплетенные паутиной ветки. Паук где-то прятался, его не было видно.

— Он сидит вон в том белом шаре. Это его гнездо.

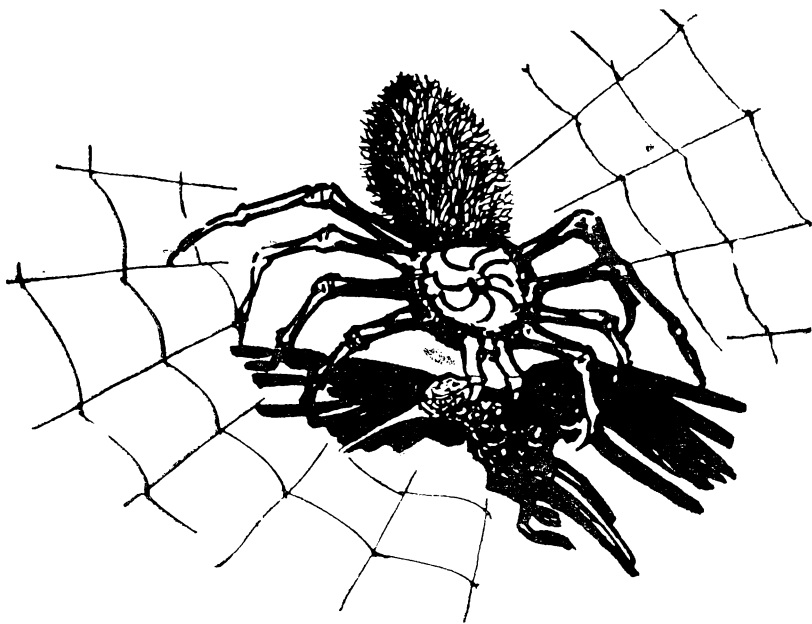
Али осторожно приподнял ветку, и мы увидели белый клубок из паутины. Я нагнулся, чтобы поднять из-под ног сухой сучок, бросить его в гнездо паука. Сучок зашевелился у меня в руках, я выпустил его, испытав неприятное ощущение, как будто взял что-то скользкое и упругое.

Али громко рассмеялся:

— Как я не предупредил вас, бабу-джи! Это же палочник. Его трудно отличить от сухой ветки. Он совсем безвреден.

Не удержался от веселого смеха и сам я. Мне было смешно, что по рассеянности принял палочника за сучок и даже растерялся.

Джунгли таят много сюрпризов. Некоторые из них могут иметь весьма опасные последствия.



Нам лучше уйти и не трогать птицеда, — посоветовал Али, увлекая меня от куста.

Я знал, что укус паука так же опасен, как укус очковой змеи, и потому не стал ждать, пока Али повторит предупреждение.

Между тем охотники-индусы приступили к расстановке сетей. Им не надо было объяснять, как это делать. Сеть подвешивалась метрах в трех от земли, концы бечевки надежно привязывались к деревьям или кустарникам. От довольно вместительной мотни, похожей на мотню невода, протягивалась еще одна бечевка с захлестнутой петлей. Как только макаки попадали в сеть, петля затягивалась и животное оказывалось в коварно расставленной западне.

Не прошло и двух часов, как все сети были поставлены, и мы тронулись в обратный путь, опасаясь, что нас застигнет ночь, — ночью можно заблудиться.

Налегке идти стало гораздо удобнее, тяжелые рюкзаки уже не оттягивали плечи. До лагеря мы добрались без осо-

бых приключений, не считая безобидной встречи с панголином. Али вскинул было ружье, но Саруп остановил его, и все тронулись дальше.

В лагере пылал большой костер, разгоняя сгущающуюся тьму тропической ночи. У палаток нас встретил Хусейн. Он давно приготовил ужин и теперь ждал, когда соберутся все.

Как дела, Хусейн? — спросил я, проходя мимо.

— Хорошо, саиб. Охота будет удачной.

Скоро собрались все, не было только группы, с которой ушел Радхе. Минут через десять и она вернулась. Радхе бросил перед Хусейном пять подстреленных кур.

Бери. Оберни в пальмовый лист, испеки в золе эту дичь. От такого кушанья не откажется ни один саиб и магараджа, — сверкнул он белыми зубами.

Ну, ну. Больно много стал требовать, — прикрикнул на него Хусейн.

— Я счастливый человек. Сегодня я видел, как расцвел голубой лотос. Говорят — это к большой удаче. Кто хоть раз видел, как распускает лепестки лотос, тот счастлив на всю жизнь.

— Может, Нимми наконец выйдет за тебя замуж?

О, разве такое счастье выпадает всем? Нимми не захочет стать моей женой. Она гордая и красивая.

Где ты видел лотос?

Он стоял в низине, у ручейка, — один среди олеандров и тарнели.



Хусейн покачал головой, улыбнулся.

— Это значит — твоё желание сбудется. Нимми будет твоей женой.

Радхе опустил голову, медленно побрел от Хусейна. Старик не предполагал, что, упомянув о Нимми, вызовет в душе Радхе целую бурю надежд и сомнений.

УШ. МАКАКИ НЕ ИДУТ В СЕТИ

На следующий день нас всех ждало огорчение. Сети оказались пустыми. Али долго совещался с Хусейном и Сарупом, но и они не могли понять причины неудачи. Леонид Васильевич был крайне удручен этим и не знал, что думать.

На следующий день Хусейн куда-то исчез, а когда вернулся, сказал:

— Не беспокойтесь, саиб. Наша неудача — простая случайность. В роще много абрикосов, поспел инжир — макаки не уйдут отсюда. Их распугали гепарды. Они прошли тут, рядом, — я видел следы. Макаки вернуться. Мы потеря-



ем несколько дней — это ничего. Поиски нового места займут больше времени.

Хусейн не ошибся. Ночью пропал целый ящик вафельного печенья, оставленный раскрытым в палатке.

Старый индус прибежал обрадованный и возбужденный.

— Макаки унесли печенье, саиб. Ах, они, несчастные лакомки! Ну, погодите! Я поставлю сеть прямо в лагере. У меня недолго придется проказничать.

На следующий день группа Радхе принесла двух обезьянок. Охота налаживалась. Неделю спустя в Чанда была отправлена первая партия макак. Сопровождать ее взялся Саруп. С ним ушел и Али, отпросившись на несколько дней в деревню.

Жизнь в лагере шла своим чередом. Каждое утро на рассвете к местам, где были поставлены сети, отправлялись партии охотников. Зоологи принимали от них все новые и новые группы макак, внимательно осматривая поступивших на их попечение зверей, чтобы не занести в стадо какой-нибудь инфекционной болезни. Работы хватало для всех.

IX. РАДХЕ РАНИТ КАБАН

Никто и не думал, что может случиться такое, что взбудоражит нашу лагерную жизнь. Беда свалилась на нас неожиданно-негаданно.

Как-то в полдень прибежал индус. Он возбужденно кричал, то и дело повторяя: «Радхе, Радхе!». Из его сбивчивого рассказа мы поняли, что Радхе ранен, но как это произошло добиться не могли. Индус показывал себе на ногу, жестикулировал и плакал.

Хусейн и еще один охотник из группы Сарупа отправились к месту происшествия. В сумерках они вернулись назад вместе с остальными людьми. На носилках лежал Радхе. Левое бедро его, от повязки до колена, было распорото, из рваной раны белела кость. Радхе потерял много крови и не приходил в сознание.

Раненому оказали помощь и сейчас же отправили в Чанда. С помощью Сашки удалось расспросить, как все случилось.

Радхе шел впереди группы. На тропинке показался кабан. Его преследовал кто-то из хищников, и он бежал прямо на людей. Радхе вскинул ружье и, не целясь, выстрелил. Пуля ранила кабана. Разъяренный зверь бросился на Радхе. Охотник не успел выстрелить еще раз, был сбит с ног налетевшим кабаном, который оставил на его бедре след своих страшных клыков.



Все это произошло в одно мгновение. Индусы даже не успели разбежаться. Они бросились к Радхе, но он был без сознания. Наскоро связали носилки, уложили Радхе и поспешили в лагерь. Хусейн встретил их уже в пути.

— Саиб не должен на нас сердиться, — оправдывался старый сухой индус. Он подбегал к Хусейну и что-то горячо доказывал ему. — Кабан налетел на нас как черная молния. О Рам,¹ Рам! Кто знал, что все так случится. Радхе, Радхе!..

Происшествие наложило свой тягостный отпечаток на всех. Саруп сидел мрачный, даже Али не пел и не смеялся, как обычно. Охотники молча разожгли костры, встали на дежурство. Зоологи разбрелись по своим местам. В лагере все безмолствовало, только звонко потрескивали костры.

Наутро все проснулись рано. Чувство общей подавленности еще не прошло. Сашка попытался развеселить охотников, нарядился в дхоти Али, принялся отплясывать у костра

¹ О Рам — о боже.

нечто напоминающее танец индейцев. Но веселье никого не захватило.

— Сашка, кудрявая голова! — погрозился Леонид Васильевич. — Смотри у меня!

Разочарованный, Сашка скрылся в палатке.

Разбились на группы. Вместо Радхе к сетям отправился Хусейн. Я пошел с группой Али. Шли налегке, путь до водопада занял часа полтора. Нас ждала удача: в трех сетях брыкались макаки.

Мы увидели их еще издали. Штук десять макак бросились на деревья и на наших глазах исчезли в ветвях тисов¹. Животных привлек крик своих подружек, попавших в западню, и они из врожденного любопытства решили, видимо, поглядеть, что случилось.

Макаки подняли настоящий бунт, метались в сетях, стараясь освободиться и убежать вслед за остальными. Мы с Али подошли к одной из сетей. Маленькая каштанового цвета маका оскалила мордочку, приготовясь к защите. Она шипела, царапалась, проворно поворачивала голову, следя за нами. Желтоватые, полные ужаса глаза сверкали, как две маленькие молнии. От ее быстрого взгляда не ускользало ни одно наше движение.

— Цок, цок! — как-то по-особенному прищелкивая губами, Али старался успокоить обезьянку.

Но она забилась еще сильнее.

Никто не успел обменяться взглядом, как Али изловчился, схватил макаку за шерсть на загривке, крикнул индусу, в руках которого был веревочный сак:

— Хой!

Индус раскрыл сак, и обезьянка в одно мгновение была пересажена из сетки.

Приманка положена на прежнее место, и мы тронулись в путь.

Х. В ДОМЕ ТАКСИЛДАРА²

В следующие дни дела задержали меня в лагере. Потом пришлось сходить в деревню. Надо было осмотреть, как устроены наши питомцы на барке, где остался Иващенко.

¹ Тисс — вечнозеленое хвойное дерево.

² Таксилдар — сельский староста.



Хозяин бунгало высокий тучный человек — забросал меня новостями. К Радхе приехала Нимми из Канпура. О ее приезде говорила вся деревня. Закончив дела, я решил навестить раненого охотника.



Радхе лежал в отдельной комнате просторного бунгало сельского таксилдара. Мне открыла молодая девушка в голубом сари¹. Смуглая, строгая, с большими темно-кариими глазами, в которых застыл не то испуг, не то робкое удивление. Вежливо поклонясь, она откинула бамбуковую занавеску, провела меня внутрь дома и встала в дверях, словно не решаясь войти и помешать нам.

Радхе обрадовался моему приходу. Он был весел и, казалось, уже совсем не испытывал боли — присутствие Нимми вернуло ему бодрость. Приподняв курчавую черную голову, Радхе повернулся ко мне:

— Ах, саиб! Вы такое оказали мне внимание... Нимми! Подай бабу-джи стул, он устал, ему надо сесть.

Девушка проворно вышла и почти тотчас же вернулась с плетеным из лозы стулом. Потом ушла, оставив нас одних.

Как рана?

¹ С а р и — женская одежда в Индии.

Скоро заживет. Нимми так внимательна. Она делает настои из трав и поит меня ими. Но разве помогают только отвары? Ее присутствие само исцеляет меня. Ах, саиб, что это за чудесная девушка! Она не отходила от меня первые три дня ни на минуту, даже спала в этой комнате. Она устелила весь пол анисом и мятой, чтобы я дышал их запахом.

— Теперь ты счастлив?

— О, больше всех на свете! Нимми сказала, что она будет моей невестой. Ах, саиб, как я счастлив! Не огорчайтесь из-за моей глупой неосторожности. Скоро я поправлюсь и вернусь в лагерь. Мне надо заработать пятьсот рупий, чтобы сделать ей приданое. Я убью леопарда. Его шкура ценится высоко, и мне дадут много денег. Теперь я все могу.

На бледном лице Радхе заиграла светлая, счастливая улыбка.

Нимми — лучшая девушка Канпура. Вы не знаете, какое у нее доброе сердце. О, если бы вы знали! Я скоро поправлюсь, скоро вернусь к вам и, когда наступит период дождей, уеду в Канпур, и мы сыграем свадьбу.

— Ну, ну, желаю тебе выздоровления и счастья, — сказал я с дружеской улыбкой и легонько пожал ему руку.

От Радхе я ушел с каким-то непонятным чувством внутренней озаренности, словно его большое, светлое счастье коснулось краешком и меня. Вот она, Индия! Хорошие, добрые люди живут в этой чудесной стране! Как умеют они быть счастливыми, когда счастье ненадолго приходит в их дом!

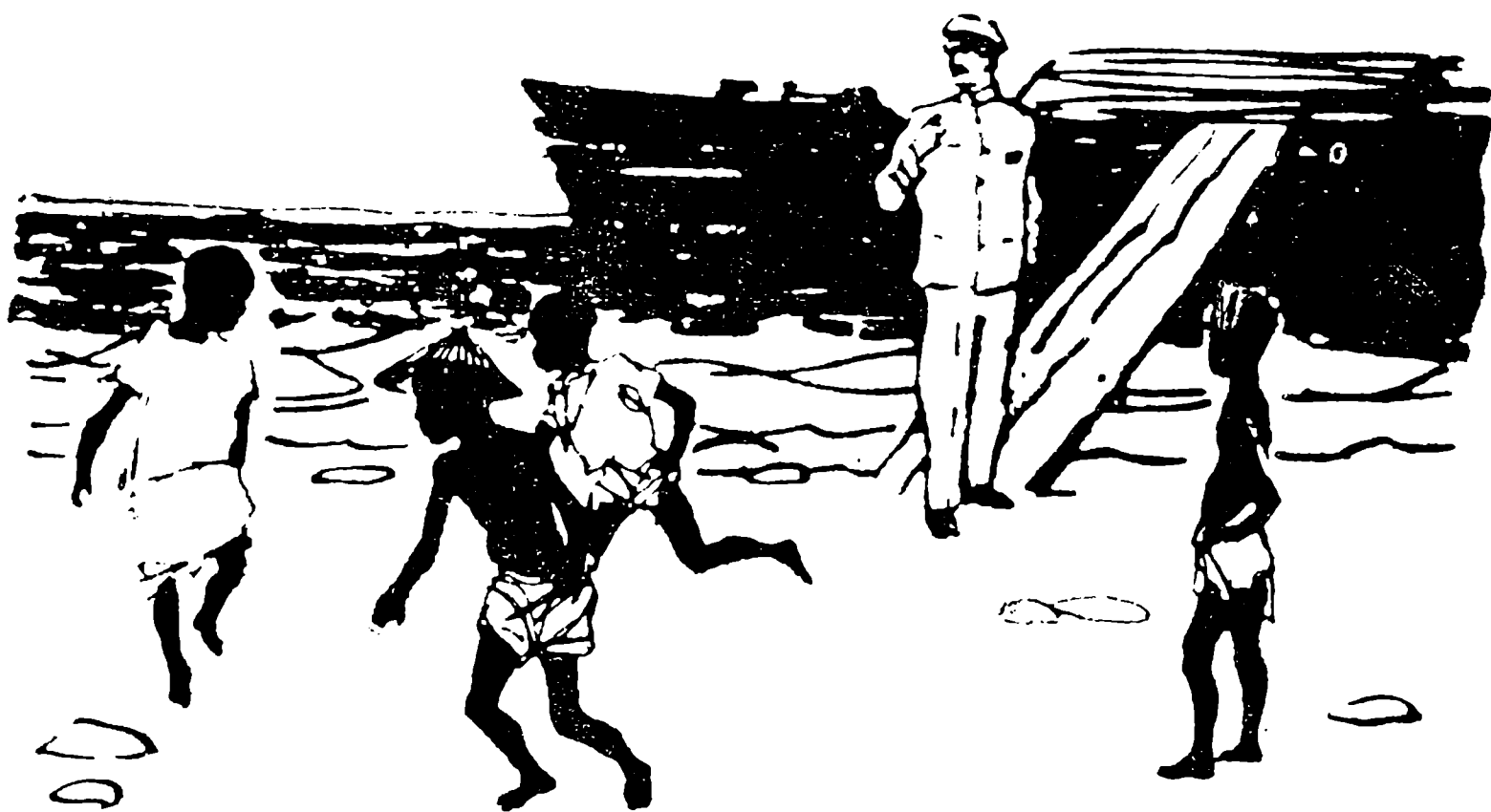
Спустившись по лестнице, я столкнулся с таксилдаром — высоким, седым стариком. Он вежливо мне поклонился и прошел мимо.

На барке, куда я вернулся после посещения Радхе, все шло нормально. Из джунглей только что доставили новую партию макак. Половина клеток уже была заполнена этими забавными зверями. Они быстро освоились в неволе и, пожалуй, не чувствовали разницы между джунглями и обычной клеткой.

Барка стояла в тени больших фиговых деревьев. С борта на песчаный берег положены сходни: две сколоченные вместе доски. Когда я подошел к берегу, по ним шмыгнула, разбегаясь во все стороны, стайка мальчишек. Один из них — черный, как негритенок, и почти голый — с одной набедрен-

ной повязкой — остановился и внимательно посмотрел на меня. Он видел меня в доме таксилдара и не испугался, как другие.

На борту у сходен стоял Иващенко. Он глядел на ребят через защитные очки, пряча улыбку в густых светлых усах.



Разбежались как зайчата. Ко мне привыкли, а вас испугались — человек вы для них незнакомый.

Мы прошли на корму, где стояли клетки.

Как тут?..

Нормально. Успевай только подавать корм. Большие лакомки эти макаки. Вон та, -- он показал на маленькую обезьянку с рыжей шерстью на мордочке, — как только не подал бананы, начинает бунтовать. Насытится и прыгает. Такие цирковые номера отмачивает...

Обезьянка прыгала по клетке, цепляясь за железные прутья, висла на перекладинах, тоненько попискивала от удовольствия. На полу клетки, в разных углах, валялись желтые рожки бананов.

XI. СНОВА В ЛАГЕРЕ

На базе все шло хорошо, и я в тот же день возвратился в лагерь. Дней десять спустя прибыл Радхе. Рана его высох-

ла, затянулась. Прошел месяц как он был ранен.

— Прибыл? Все в порядке?

— Все в порядке, саиб.

Он взглянул на меня с благодарностью и весело побежал к Хусейну, которого не видел целый месяц.

Дни летели один за другим. Был самый жаркий период тропического лета. Лист с деревьев опал, лес стоял словно обнаженный. Снимали второй урожай риса и кукурузы, сушили под навесами финики, топтали ячмень. Крестьяне готовились к третьему посеву на своих скудных клочках земли, отвоеванной у джунглей.

ХII. СКОРО В БОМБЕЙ!

Шел третий месяц нашего пребывания в Индии. Партия макак все увеличивалась, охота подходила к концу. Наибольшая удача сопровождала группу Радхе. Молодому индусу, казалось, покровительствовало все. Он был весел и деятелен. Каждый раз, подходя к лагерю, запевал свою песенку о Нимми, чья красота пленила его сердце.

Заслышав его голос, мы выходили с Хусейном из палатки, и старик, улыбаясь, спрашивал парня:

— Тебя и сегодня посетила удача?

— О, — весело говорил Радхе. — С тех пор как здесь побывала Нимми, джунгли раскрыли передо мной все свои сокровища. Добрые духи Шивы всюду сопровождают мне. Скоро я убью леопарда, я уже выследил, по какой тропе он спускается к Гангу.

Гляди! Леопард не любит, когда встают у него на пути, — добродушно посмеивался Хусейн. — Как бы не пришлось Нимми еще раз лечить твои раны.

Фью. Разве Радхе не охотник? — шутливо отвечал ему парень. — Радхе должен добыть шкуру леопарда и добудет. Помяни мое слово, Хусейн.

Хорошо, хорошо. Если убьешь, я сам помогу тебе снять шкуру, — сдавался Хусейн. — Надо уметь сохранить ее ценность.

Саруп и Али обычно помалкивали — может быть, не хотели охлаждать пыл товарища. Леснид Васильевич только посмеивался. Он был доволен, Радхе — хороший охотник,

добродушный, смелый парень! Глаза зоолога ласково лучились, когда он смотрел на индуса.

Ты молодец, Радхе. Нимми не ошиблась, выбрав тебя своим женихом, — говорил он, хлопая по плечу молодого охотника

Благодарю, бабу-джи, — отвечал Радхе с вежливым поклоном, прижав руку к сердцу, и начинал смеяться.

Хорошие парни — индусы. Мы все привыкли к ним и забыли о предстоящем отъезде.

Промелькнул август, пора было подумать о возвращении в Чанда, а оттуда — в Канпур. Мы свернули лагерь, все увязали, готовясь к походу. Жарким сентябрьским утром Али пригнал из Чанда четырех мулов под вьюки, и вся наша немногочисленная экспедиция пустилась в обратный путь.

Радхе провожал нас только до деревни. Они остались с Сарупом в джунглях продолжать охоту за выслеженным леопардом. Саруп решил помочь товарищу, так как Радхе ни за что не хотел возвращаться в Канпур, не добыв шкуры хищника.

Шли едва приметной тропой. Столетние платаны, огромной толщины тополя с раскинутыми во все стороны могучими ветвями создавали непроницаемую для солнца густую лиственную завесу. В селе было душно от жары и испарений. Пот лил с нас ручьем, ноги утопали в вязкой земле, путь преграждали лианы. Каждая сотня метров преодолевалась с большим трудом. Особенно тяжело доставалось с вьюками.

Наши друзья индусы не унывали. Али то и дело находил что-нибудь в траве: то редкое и красивое насекомое, то какой-то особенный цветок и бежал показывать Сашке и Леониду Васильевичу. Радхе пел о Нимми и весело смеялся. Его смешил каждый пустяк.

Один Хусейн оставался задумчивым и молчал. Старик привык к нам. Он, видимо, грустил, переживал предстоящую разлуку. А может, был удручен каким-то своим, ему одному известным горем. Я подождал его и, когда он подошел к нам, сказал:

— Скоро мы уедем. Чем займешься теперь? Найдется ли работа?

Он взглянул на меня грустными глазами и глубоко вздохнул.

Оглавление

I. В Аравийском море	5
II. Мы — в Бомбее	8
III. Путь на север	13
IV. По Гангу	14
V. В деревне Чанда	19
VI. В лесном лагере	21
VII. Гнездо птицееда	23
VIII. Макаки не идут в сети	26
IX. Радхе ранит кабан	27
X. В доме таксилдара	29
XI. Снова в лагере	33
XII. Скоро в Бомбей!	34

Михаил Николаевич Старостин

ПО ГОЛУБОМУ ГАНГУ

Редактор И. В. Киреенко

Худож. редактор Е. В. Альбокринов

Технический редактор В. Ф. Малыхина

Корректор О. П. Долгановская

Сдано в набор 1/VIII—1967 г. Подписано к печати 30/X-1967 г.
ЕО15754. Тираж 100 000 (II-65000) экз. Бум. № 3. тип. 60×84¹/₁₆
Печ. л. 2,25. Уч.-изд. л. 1,67. Цена 5 коп.

Куйбышевское книжное издательство, г. Куйбышев,
проспект Карла Маркса, 201.

Типография изд-ва «Волжская коммуна», Куйбышев,
проспект Карла Маркса, 201. Заказ № 1276.

5 НОП.

